

"Что это?"

Сяо Фэн Ву подумал про себя: "Пожалуйста, не говори, что я упал в обморок от голода, а потом мой мозг поджарился, и теперь я начинаю кое-что видеть". Он закрыл лицо простыней, тихо и спокойно ожидая, когда услышал слабый шорох у прикроватной тумбочки. Заглянув в щели между занавесками, он увидел, что кто-то принес миску дымящегося горячего отвара.

Этот шар голубого света появился снова.

[Моя дорогая, еда стоит денег, и эти деньги тоже нужно вернуть. В течение трех дней хм ~
Никогда, никогда не забывай об этом.]

Сяо Фэн Ву: "....."

Если бы это был другой человек, возможно, они бы уже умерли от испуга. Но он всегда был смелым, и он долго смотрел на шар света. И все же он не считал это похожим на какого-нибудь ужасного, злого призрака, и довольно скоро оно исчезло.

Поэтому он перестал заботиться об этом, так как этот мир был слишком велик, полон бесконечных диковинок, которые нужно было открыть. И, возможно, он просто-напросто столкнулся с призраком.

Что касается того, что он говорил, что-то о том, чтобы быть самодостаточным, уверенным в себе, какими бы бесполезными ни были слова, ну, естественно, Сяо Фэн Ву не поверил бы ни единому слову, чтобы оно было правдой; это были слова, которые могут уйти в тот момент, когда они войдут в его уши.

Тишина окружала его здесь, в этом доме, куда его привели, и, казалось, там было не так уж много людей. Он встал с кровати и схватил миску с отваром, вычистив ее за считанные секунды. После этого он выглянул в окно, где наконец обнаружил тень человека, сидящего у колонны в коридоре и размышляющего о какой-то неизвестной мысли.

Цинь Мин Юэ родился в бедности, его продали в театральную труппу, когда он был совсем маленьким мальчиком. Упражнялся в пении, стирал одежду, готовил еду: не было дня, чтобы он не страдал под кнутом.

Позже, когда он стал немного старше, когда он стал кем-то с наибольшим потенциалом из всех, он был представлен, с целью представления шоу, хорошо известному с коротким рукавом Сяо Фэн Ву, кем-то, кто хотел завоевать расположение семьи Сяо.

В то время Цинь Мин Юэ все еще был неизвестным маленьким театральным актером, у которого за плечами не было ни единого опыта выхода на сцену для настоящего шоу. Но он знал, что его жизнь, вероятно, всегда будет заканчиваться так.

Одетый в светлую чистую одежду, он предложил Сяо Фэн Ву чашку чая. Со слабым паром, поднимающимся вверх, и его талией и телом, тонкими, как ветка ивы, он был из тех, кого Сяо Фэн Ву любил больше всего:

“Шестнадцатый Мастер, пожалуйста, примите эту чашку чая”.

Это было как раз в летний сезон, когда солнце палило с такой жарой, что голова могла закружиться и помутнеть. Сам Сяо Фэн Ву был одет в белый шелковый халат и обмахивался бумажным веером. Рядом с ним были все женщины-служанки выше среднего роста, и он не удостоил взглядом Цинь Мин Юэ. Руки Цинь Мин Юэ все это время были вытянуты вперед, держа чашку чая. Увидев это, он наполовину приподнял крышку чайной чашки, чтобы выпустить пар, а затем подождал некоторое время, прежде чем вернуть ее Сяо Фэн Ву,

“Чай остыл. Шестнадцатый Мастер, пожалуйста, сделайте глоток.”

Сяо Фэн Ву поднял глаза, уставившись на него, который застенчиво улыбнулся.

Сяо Фэн Ву подумал про себя, что это был умный молодой человек.

Но, к сожалению, каким бы умным Цинь Мин Юэ ни был, он все еще был молод и наивен. Он прожил, варенный в горьком чае всю свою жизнь; даже если его хозяином был Ко Ю Цзюнь, прикосновение кнута к его телу все еще было настолько безжалостным, насколько это возможно.

Для Сяо Фэн Ву, у которого в руках не было ничего, кроме бесконечного богатства и власти, быть готовым склониться перед ним и хорошо относиться к нему, сердце Цинь Мин Юэ никак не могло защититься от этого.

Кроме того, нежную любовь Сяо Фэн Ву нельзя было описать только как “слегка хорошую”; она была “чрезвычайно хорошей”, настолько, что в глазах других на нее смотрели с завистью, так что можно было сказать о Цинь Мин Юэ, которая была вовлечена в это дело.

Даже если это было несколько лет назад, его сердце все еще не могло отпустить ее.

Слабый лунный свет падал вниз, придавая зеленым листьям внутреннего двора серебристый отблеск. Цинь Мин Юэ вспомнил слова Сяо Фэн Ву, сказанные сегодня ранее, с одной стороны, чувствуя, что это правда, но с другой стороны, он сказал, что все это ложь. В конце концов, эти губы были известны как пара хороших лжецов. Даже когда они страдали под кнутом, они не говорили ни слова правды.

И Цинь Мин Юэ больше не был тем мальчиком, который был готов наклониться и принять все за чистую монету; этого наивного мальчика с чистым сердцем больше нет. Что бы он ни пережил за эти несколько лет, это сделало его характер диким и неконтролируемым, который

невозможно было прочесть.

“Тьфу” веер, который он держал в руках, без всякой причины внезапно сломался пополам, заставив брови Сяо Фэн Ву, который прятался за дверью, дернуться.

“Неужели ты так сильно ненавидишь меня, что не хочешь даже держать бумажный веер?”

Он вышел из тени, одетый в светлую нижнюю одежду, верхняя одежда висела у него на плечах. С таким телом, как у него, казалось, что он все еще был тем Шестнадцатым Лэнгом Янь Чэна, который мог загипнотизировать всех девушек в городе.

Цинь Мин Юэ бесстрастно посмотрел на него, его пальцы сжались с еще большей силой, как будто бросая ему вызов, и “тьфу” прозвучало еще раз.

Сяо Фэн Ву остановил его руку:

“Ты пытаешься копировать Цин Вэнь? К сожалению, я не могу быть Цзя Баоюем; У меня нет коробки вееров, которые вы могли бы разорвать на части. После того, что у тебя есть, больше ничего не будет”¹.

Когда он произнес эти слова, в его глазах появилась улыбка, которая заставила Цинь Мин Юэ резко бросить сломанные остатки веера прямо в него. С насмешливым выражением лица он сказал:

“Какие Цин Вэнь и Цзя Баоюй? Так что, в конце концов, Хозяин думал обо мне только как о слуге. Зачем тебе нужно произносить такие красивые слова? Сяо Лао-тай-е умер, и я не вижу, чтобы ты пролил ни единой слезинки. Почему бы тебе не оставить эти фальшивые слезы для него!”

Мать Сяо Фэн Ву умерла довольно рано в его жизни, и его личность была не самой выдающейся; будучи таким озорным ребенком, все хозяйки не желали принимать его. В конце концов, его привели к Сяо Лао-тай-е, и, предположительно, это должно было привести к тому, что у них двоих сложатся глубокие и значимые отношения.

Сломанный веер не стоил никаких денег. Сяо Фэн Ву схватил нефритовый кулон, свисающий с веера, а затем беззаботно отбросил в сторону обломки дерева. По какой-то странной причине улыбка на его губах стала еще глубже,

“Зачем мне плакать? Для него смерть - это хорошо. Для людей уже большая редкость дожить до 70 лет. Хотя он был не в том возрасте, он все еще был сильнее многих людей. Подумайте об этом, у меня есть 15 старших братьев и сестер старше меня, и к каждому из них нельзя относиться легкомысленно. Из-за того, что у семьи Сяо отняли состояние, если бы он был еще жив, ему пришлось бы жить с нами бедной жизнью. Рано или поздно он бы умер от страданий,

так почему бы просто не уйти и ни о чем не беспокоиться”.

Эти слова только заставили Цинь Мин Юэ подумать, что его сердце действительно сделано из льда.

Но пара губ Сяо Фэн Ву могла превращать слова в золото:

“Ты можешь спеть <<Погребение опавших цветов >>? Я полагаю, вы читали <<Историю камня >>. Слава небесам, что Линь Дайюй рано скончалась, так как в противном случае, когда семья Цзя была запечатана, разве ей не пришлось бы жить в бедности? Прекрасная дама, которая никогда в жизни ничего не поднимала, вдруг должна готовить сама? Я действительно не думаю, что смогу даже переварить саму мысль об этом”².

Цинь Мин Юэ невольно приподнял бровь:

“Она не была ни из тех, кто жаждал власти и богатства, ни из тех, кто смотрел свысока на бедных”.

“Конечно, нет”,

Сяо Фэн Ву потер подбородок:

“Она страдала от стольких болезней, что ее не могла вырастить бедная семья. Пить женьшень, птичье гнездо и наполненные питательными веществами лекарства каждый день, все время, пока она болела, если бы ей пришлось есть то, что ест бедная семья, она бы не протянула и дня. Мой дедушка был таким же. В конце концов, его внуки не были близки с ним, а я не из тех, кто мог бы что-то из себя сделать. Если бы его никто не поддержал, он бы умер с голоду на улицах”.

Разговор немного выходил из-под контроля, и на лице Цинь Мин Юэ появилось внезапное разочарование. Он встал, чтобы уйти, когда Сяо Фэн Ву внезапно потянул его обратно вниз. Но затем Сяо Фэн Ву понял, что что-то не так, и он посмотрел вниз, выражение его лица сразу же слегка изменилось:

“Что случилось с твоей рукой?”

Не стоит винить его за такой шок, так как при слабом свете фонаря было видно, что на мизинце левой руки Цинь Мин Юэ действительно отсутствует часть. Рана действительно зажила, и если бы кто-то не был рядом, это было бы трудно выяснить.

Если бы он не спрашивал, все было бы в порядке. Но если бы он это сделал, это только задело бы раны в его сердце.

Цинь Мин Юэ с силой отдернул руку, но Сяо Фэн Ву не отпускал ее. У них двоих действительно была какая-то подготовка по боевым искусствам за плечами, так что в мгновение ока они чуть не ввязались в драку.

Сяо Фэн Ву спросил его холодным и стальным тоном: “Как ты поранил руку?”

Как еще это могло пострадать, как не тогда, когда он бесстыдно, не заботясь о собственной жизни, пополз обратно наверх, чтобы быть захлопнутым вашей дверью!

Когда он изучал театральные пьесы, Цинь Мин Юэ смотрел свысока на этих мазохистских людей, которые больше всего заботились не о себе; без мужчины они не могли жить? И все же он никогда бы не подумал, что будет вести себя как один из них. Теперь, когда он вспомнил об этом, это было искренне слишком смущающе, поэтому у него не хватило смелости сказать это.

Сяо Фэн Ву все еще был довольно слаб, поэтому через некоторое время Цинь Мин Юэ оттолкнула его, он отступил на несколько шагов и упал на пол. Увидев Сяо Фэн Ву в таком состоянии, Цинь Мин Юэ сердито топнул ногами и, в конце концов, отряхнул мантию и ушел, не оборачиваясь.

Это был очень чистый и тихий двор с яблоневым деревом³, растущим посередине. Только, поскольку было не по сезону, цветов видно не было. Сяо Фэн Ву, лежа на земле, уставился на уменьшающуюся фигуру Цинь Мин Юэ. О чем бы он ни думал тогда, это заставило его покачать головой. Через мгновение он встал, отряхнулся и вернулся в дом, чтобы поспать.

Чтобы быть человеком, лучше было не заботиться и не иметь сердца, чем беспокоиться о каждой мелочи.

Точно так же, как Сяо Фэн Ву, его дед и старший брат умерли, не оставив ни единого юаня на теле, в отличие от того, что было раньше, когда золото и серебро наполняли его карманы. В такой же ситуации с другим человеком они, вероятно, даже не смогли бы удержаться от слез ни на секунду. Напротив, для него не было никакой разницы.

Ясным и ранним утром следующего дня двор опустел, остался только старый и пожилой слуга, подметающий территорию. Сяо Фэн Ву набрал немного воды из колодца и, неуклюже умывшись, небрежно спросил:

“Где твой хозяин?”

В это время и в этот день он не напускал на себя того высокомерия и права, которые были у него, когда он все еще был “мастером”, поэтому его голос был довольно теплым и нежным.

У старого слуги было небольшое ухудшение слуха, он слышал, как Сяо Фэн Ву несколько раз спрашивал, но все еще не мог понять, что он говорит. Сяо Фэн Ву цокнул языком и покачал

головой.

К 40 годам равновесие тела нарушается, к 50 годам телу становится тяжелее двигаться, и ваши глаза и уши начинают отказывать, а к 60 годам все ваше тело против вас. Судя по всему, этому старому слуге, стоявшему перед ним, было около 50 лет или около того. С таким потемневшим желтым лицом ему, вероятно, оставалось жить самое большее несколько лет.

Сяо Фэн Ву прижал заднюю часть уха и повысил голос, используя остатки своего терпения, чтобы спросить снова,

“Куда делась Цинь Мин Юэ?”

Старый слуга наконец понял и сказал невнятно:

“Он отправился в Шенг Де Лу, чтобы петь”.

Ох, сколько времени он потратил, чтобы получить эту информацию!

Сяо Фэн Ву вышел со двора, заложив руки за спину, и неторопливо зашагал по улицам. Даже находясь так далеко от Шен Де Лу, он все еще мог слышать волны аплодисментов и одобрительных возгласов. Толпы и толпы людей окружали вход, заполненный всеми теми, у кого не было денег, чтобы войти в здание, и теми, кто не мог пройти мимо толпы, чтобы войти.

Цинь Мин Юэ только недавно появился в Янь Чэне, так как раньше он путешествовал по разным местам. Где бы они ни разбили лагерь, где бы он ни пел. Услышав, что он приехал в Янь Чэн, довольно много фанатов из соседних городов пришли посмотреть на него, заполнив все здание. Середина Шен Де Лу была заполнена до краев, а наверху все отдельные комнаты были заняты дамами, все из которых были женами высокопоставленных чиновников. Они потратили кучу денег, чтобы забронировать эти номера, выбрасывая такие щедрые и большие суммы, что это причиняло боль их мужьям с головы до ног.

Стороны у самих перил также были полностью заняты, и Сяо Фэн Ву подумал про себя, что только идиоты попытаются ворваться через вход. Он обошел дом сзади, и что же он увидел, кроме умного человека, который тряс задницей, готовясь заползти под собачью нору. Его глаза посмотрели вверх и вниз, прежде чем целенаправленно громко крикнуть один раз, заставив другого подпрыгнуть в шоке.

“Черт бы побрал мою гребаную мать!”

Этот человек был из другой богатой семьи, занимавшейся несколькими предприятиями. Ему было около 20 лет, он был довольно круглолицым мужчиной с маленькими и узкими улыбающимися глазами. В шоке он споткнулся и упал на землю.

Сяо Фэн Ву держался за стену и громко смеялся:

“И тут я подумал, кто бы это мог быть? И так, это был Сен Сан Гун-цзы. Ползи, продолжай ползти. Я не должен был останавливать тебя. У них здесь есть охранники, ты же знаешь. В тот момент, когда твоя голова высунется с другой стороны, они немедленно воспользуются своей палкой, чтобы забить тебя до смерти”.

Эти двое действительно были знакомы друг с другом.

Сен Сан поднялся с пола и, увидев, что это был Сяо Фэн Ву, обошел вокруг него, прежде чем улыбнуться:

“Я пробыл в Тайчжоу три года, и теперь, когда я вернулся, ты все еще ничуть не изменился к лучшему..... Я слышал о твоей семье, и мне глубоко жаль слышать об этом, брат. Пусть они покоятся с миром”.

С беззаботным и невозмутимым лицом Сяо Фэн Ву сказал:

“Надо было вернуться намного раньше! Почему ты вернулся в Янь Ченг?”

Сен Сан сказал:

“Север находится в состоянии войны, так что дела шли не очень хорошо, и их пришлось перенести обратно. Я приехал сюда только накануне и хотел посмотреть шоу Цинь Мин Юэ. Хех, гребаная бабушка, здесь не осталось ни одного свободного места.”

Сяо Фэн Ву указал на конный экипаж, остановившийся прямо у входа:

“Ты можешь это видеть? Это семья Хуан. А еще есть семья Чжу. У каждого из них есть связи повыше, так что кто бы дал тебе свое лицо.”

Сен Сан: “тьфу”

“Какой бесполезный мэр такого бедного города может считаться высокопоставленным чиновником. Твой дядя - министр, работающий в королевской столице. Я даже познакомился с ним только в начале года. Императорский врач пятого ранга, глава Дворцовых врачей, почему ты не пошел к нему?”

Сяо Фэн Ву сказал:

“Он давным-давно порвал связи с семьей Сяо. С тех пор с ним не было никаких контактов, и

мой дед всегда произносил его имя с ненавистью. Какой смысл набивать ему морду? Когда семья Сяо рухнула, он уже должен был получить эту новость, но он не помог. Любой мог бы увидеть, что между нами нет потерянной любви. Зачем усложнять себе жизнь? Кроме того, всего лишь имперский врач, чем он мог помочь?”

Сен Сан сказал:

“Ну, это не может быть одно и то же. Твой второй дядя находится прямо при императоре, как имперский чиновник. Я слышал, что он даже очень популярен у императрицы, каждый день выступая в роли защитника ее нерожденного императорского ребенка. Он намного выше по рангу, чем кто-либо здесь. Янь Чэн, в таком месте любая дикая кошка и собака могут осмелиться объявить себя королем. Какая семья Вонг, какая семья Чжу?”

Сен Сан прислонился к двери, глубоко вздыхая. Отсюда доносились звуки из театра, но ничего ясного не было. Отчаянно желая войти, он ходил кругами, когда Сяо Фэн Ву сказал:

“Тупица, тупица. Я сказал, что внутри есть люди, охраняющие вход. Ты мне не веришь? Почему бы тебе не пойти и не посмотреть самому?”

А потом он сделал несколько шагов назад. Легким, но мощным толчком он перелетел через стену. Действительно, там был охранник с деревянной палкой в руках, патрулировавший территорию. Сяо Фэн Ву поднял маленький кусочек разбитой плитки и бросил его, чтобы сбить охранника с ног.

Присев на корточки у собачьей норы, Сен Сан мог видеть все очень ясно, и ему захотелось заползти внутрь. Но потом он застрял. Он запаниковал и попытался вывернуться, но безрезультатно. Сопrotивляясь, он колотил по стене:

“Мой добрый и любящий брат, приди и вытащи меня. Если это будет чуть позже, я ничего не смогу слушать. Быстро, быстро, быстро!”

С таким громоздким телом, чтобы Сяо Фэн Ву действительно вытащил его, это было немного чересчур для него. К счастью, он был высоким, так что, стиснув зубы, он едва смог вытащить его из ямы. Воспользовавшись случаем, пока охранник все еще был без сознания, они вдвоем быстро вбежали внутрь. И кто бы мог подумать, что они в замешательстве направятся внутрь, не имея ни малейшего представления, куда идут, и на самом деле поднимутся на второй этаж с прекрасным видом на сцену.

К счастью, поблизости было довольно много людей, наслаждавшихся шоу, так что никто не заметил двух незваных гостей.

Сен Сан прислонился к перилам, половина его тела свесилась наружу. Он долго смотрел на завораживающую “Императорскую супругу Ян”, прежде чем незаметно ткнуть Сяо Фэн Ву:

“Эй, разве это не Мин Юэ? Актер, которого вы держали при себе?”

На сцене у всех были разрисованные лица. Сяо Фэн Ву внутренне нахмурился, думая, какой парой дерьмовых глаз должен был обладать Сен Сан, чтобы узнать его.

В пьяном, как туман, состоянии, загипнотизированный произведением, Сен Сан сказал:

“Хух-ху, это тело, эти глаза. Как ты был готов вышвырнуть его прочь?”

Сяо Фэн Ву поднял брови:

“И почему вы были готовы отпустить Сяо Чун Тао?”

Сяо Чун Тао была женщиной-актером, купленной Сен Сан, и, не дожив даже до двух месяцев, ее отдали.

Сразу же смутившись, Сен Сан больше не издал ни звука. Сяо Фэн Ву лениво сказал:

“Когда я захочу, тогда я отброшу его в сторону. Какая еще причина мне нужна? В следующий раз не задавай таких глупых и глупых вопросов.”

Сен Сан быстро сменил тон:

“Актеры принадлежат к низшей касте. Вы можете играть с ними, вы можете баловать их, но зачем верить, что все это реально? Это внизу - всего лишь мутные воды, в которых можно ковылять. Как вы были загипнотизированы им поначалу и тем, во что он заставил вас превратиться. Я сказал не те слова раньше. Хорошо, что ты его выбросил. К счастью, ты его выбросил. Иначе он бы опустошил твою душу и тело до тех пор, пока не осталось бы ни капли крови.”

Сяо Фэн Ву подумал об этом, а затем покачал головой:

“Такого рода вещи всегда были, если он хочет, я хочу. Не пытайтесь присвоить ему какой-либо титул. Если я с радостью готов отдать золото или серебро, собирается ли он украсть у меня? Является ли кто-то унижительным или нет, это не имеет значения из уст других людей. Только вы сами можете так сказать. Другие говорили, что бизнес - это унижительная профессия, так неужели вы хуже всех остальных?”

Мрачный вид снизошел на Сен Сана, и он вцепился в перила, не говоря больше ни слова.

Когда был перерыв, там был довольно состоятельный мужчина, кричавший “отлично”, прямо

впереди, в первом ряду сидений у сцены. Его горло почти треснуло от того, как сильно он кричал, и его специально вырвало золотыми листьями 5, бросая, когда он выкрикивал имя Цинь Мин Юэ.

Дамы поблизости начали яростно перешептываться:

“Разве это не тот молодой господин из семьи окружного судьи Чэнь? В какого сумасшедшего он превратился? Насколько я могу судить, эта Цинь Мин Юэ действительно слишком кокетлива; если он не соблазнит мужчину на один день, его сердце этого не выдержит. Мой муж даже хотел пригласить его в наше поместье, но, слава богу, я остановила его. С такой мегерой, что будет, если он придет?”

“Чэнь Сяо-е, по крайней мере, знает, что он должен и чего не должен делать, только осмеливаясь быть таким откровенным внутри театра. Если он осмелится делать это всю дорогу домой, его отец не остановится, пока не забьет его до смерти”.

“Всего лишь актер, насколько хорошо он это сделает? Он просто полагается на свое лисье личико. Когда он состарится и станет морщинистым, мы посмотрим, захочет ли кто-нибудь еще возвести его на этот пьедестал”.

Сяо Фэн Ву все это время слушал со стороны, думая, что Цинь Мин Юэ не был таким человеком, хотя.

Хотя характер у него был не очень хороший, слова “соблазнительная и кокетливая мегера” ему совсем не подходили. Когда он был с ним в постели, когда он не был застенчивым?

После посещения шоу он планировал уйти, но затем увидел Чэнь Сяо-е, следующего за Цинь Мин Юэ за кулисами. Без всякой причины он прокрался следом за ними.

За кулисами было множество коробок с оборудованием и другими вещами, люди приходили и уходили, переодевались и накладывали макияж; суете не было конца.

Одетый в роскошную, расшитую золотом мантию для роли “Императорской супруги Ян”, Цинь Мин Юэ просто сидел перед зеркалом и снимал макияж. Чэнь Сяо-е сидел прямо рядом с ним на маленьком табурете, его глаза были откачаны, когда он продолжал смотреть на Цинь Мин Юэ.

Чэнь Сяо-е тихо сказал:

“Цинь Лао Бан, твой голос как императорской супруги слишком хорош, чтобы быть правдой. Мое сердце улетело в тот момент, когда ты запел.”

Сяо Фэн Ву сидел по другую сторону зеркала, слушал и с несчастьем думал про себя, что это за

предложение - мое сердце улетело, просто правильная работа, в которой не было сердца и души.

Цинь Мин Юэ лишь слабо улыбнулся в ответ, не сказав ни единого слова.

Чэнь Сяо-е продолжил:

“Мин Юэ, когда я впервые увидел тебя, мне показалось, что мое сердце потеряло душу, и я не мог спать целыми днями. Я не мог есть, не мог пить. Если ты почувствовал хоть каплю боли в своем сердце, тогда приходи, будь со мной! Я буду относиться к тебе очень хорошо!”

Выпалив все слова без паузы, он даже схватил Цинь Мин Юэ за руки. Сяо Фэн Ву терпеливо продолжал слушать.

Каким бы популярным ни был Цинь Мин Юэ, в конце концов, он был всего лишь актером и не осмеливался вступать в неприятности с кем-либо, обладающим властью. Он улыбнулся и убрал руку. Одним взглядом своих глаз он мог покорить сердца любого, кто встречался с ними.

Напустив на себя обольстительность императорской супруги, он сказал:

“Мин Юэ ведет низкую и недостойную жизнь, не смея подняться выше своего места”.

Чэнь Сяо-е был еще в большей спешке:

“Мин Юэ, меня не волнуют такие вещи. Я только знаю, что ты мне нравишься. Не отвергай таких людей и не уходи так далеко!”

Окружающие, видевшие это зрелище, не удивились, так как к настоящему времени это стало нормой.

Очевидно, такое случалось не в первый раз. Кроме того, так жили актеры. Либо вы зависите от своего горла, либо вы зависите от своего тела. Более любопытный вопрос был бы в том, кто будет тем, кто похитит Цинь Лао Бана.

По крайней мере, у этого Чэнь Сяо-е было какое-то прошлое, так как в противном случае, если бы это был кто-то другой, Цинь Мин Юэ даже не взглянула бы на них.

Видя, что он не может выбраться из этого, он вернулся к снятию краски со своего лица, сказав:

“Мне следовать за тобой? И как ты, Чэнь Сяо-е, собираешься обращаться со мной? Найди внутренний дворик, где можно было бы держать меня, будучи твоей тайной любовницей

снаружи? Или, когда ты женишься, ты планируешь держать меня рядом с собой в качестве любовницы или маленького мальчика-слуги?”

На лице Чэнь Сяо-е появилось странное выражение, прежде чем он сказал:

“Я обещаю, что мое сердце будет принадлежать тебе”.

Сяо Фэн Ву чуть не умер от того, насколько это было забавно. Сначала он сказал, что его сердце улетело, а теперь где, черт возьми, он получил это сердце обратно?

Цинь Мин Юэ не сказала ни слова, только вздохнула через некоторое время. О чем бы он ни сокрушался, это заставило его расстегнуть пуговицу на шее, обнажив гладкую и белую шею. Он снял мантию для роли императорского супруга, из-за чего глаза Чэнь Сяо-е скосились, пока Цинь Мин Юэ не сказал:

“Уже довольно поздно, Чэнь Гун-цзы, пожалуйста, возвращайся”.

Интерес и энтузиазм Цинь Мин Юэ были ниже, чем у низкой, очевидно, он вообще не хотел иметь с этим дело. Что “его сердце улетело”, Чэнь Сяо-е не посмел еще больше портить ему настроение и очень неохотно вернулся домой.

Цинь Мин Юэ уставился на его удаляющуюся спину глазами, полными холодной улыбки и обильной насмешки. Он как раз отводил взгляд, когда рука, лежавшая на столе, внезапно была поднята, и вслед за этим прямо у его уха раздался хриплый и игривый мужской голос:

“Цинь Лао Бан, твой голос как императорской супруги слишком хорош, чтобы быть правдой. Мое сердце улетело в тот момент, когда ты запел.”

Услышав это, зрачки Цинь Мин Юэ немедленно расширились, и его глаза были встречены видом красивого лица в зеркале, другое улыбалось, когда он смотрел прямо на него. Сяо Фэн Ву!

Оправившись от шока, Цинь Мин Юэ холодно рассмеялся:

“Я не знал, когда Шестнадцатый Мастер разбирался в театральном искусстве?”

Сяо Фэн Ву поднял свой нижний подбородок, держа другую руку у своего лица и игриво отвечая:

“Я не знаю, но на сцене, полной людей, я чувствовал, что ты пел лучше всех”.

То, что он сказал, было правдой. Глядя в эти глаза, разум Цинь Мин Юэ внезапно погрузился в оцепенение, не в силах вымолвить ни слова. В конце концов, он отдернул руку, сказав с хмурым лицом:

“Тогда я должен поблагодарить Шестнадцатого Мастера за его похвалу”.

Сяо Фэн Ву улыбнулся, глядя на него:

“Как я должен быть благодарен тебе за то, что ты все еще называешь меня мастером, но я больше не мастер, несравнимый с тем, кем был раньше. Теперь, когда у тебя есть лучшее будущее рядом с тобой, как я мог просто слепо присоединиться к тебе?”

А потом отряхнул рукава, как бы собираясь встать и уйти.

Сердце Цинь Мин Юэ сразу же заколотилось, и он подумал: неужели Сяо Фэн Ву ошибся в нем и в том, что у Чэнь Гун-цзы что-то происходит? Он с грохотом встал, перевернув зеркало, и сердито сказал:

“Что ты подразумеваешь под этими словами? Вы думаете, что моя жизнь как актера имеет такую низкую ценность, что я бросился бы к любому, у кого есть немного денег? Какой бы мастер ни был, я всегда следовал только одному. Разве я уже недостаточно настрадался, чтобы быть настолько глупым, чтобы попробовать это снова?!”

То, что он произнес такую длинную и энергичную речь, сразу привлекло внимание всех за кулисами. Цинь Мин Юэ сердито пнул стул, но затем его тут же охватило смущение, и, видя, что Сяо Фэн Ву никак не реагирует, он закатал рукава и ушел.

Те, кто был за кулисами, сразу все поняли. Они хотели посмотреть, что это за человек, чтобы иметь какие-то отношения с Цинь Мин Юэ. С одного взгляда было очевидно, что он определенно не принадлежал к числу обычных людей, что заставляло их задуматься, к какой семье принадлежит этот молодой человек.

Сяо Фэн Ву не интересовался исполнительским искусством, поэтому он редко приходил к Ли Юаню. Все слышали о нем, но те, кто видел его, были жалко малы. Увидев, что Цинь Мин Юэ уходит, он почтительно попрощался с ним руками, прежде чем погнаться за ним.

Цинь Мин Юэ тонула в гневе и ненависти, чувства горели так сильно, что было больно. Он даже не взял свой экипаж и всю дорогу домой шел пешком. Как только он вернулся, он захлопнул дверь в свою комнату, запер ее и больше не выходил.

Сяо Фэн Ву следовал за ним, но, видя, что старый слуга все еще подметает, ему было довольно интересно немного понаблюдать за ним. И, видя, что его слух все еще сильно ослаблен, он перевернулся и поднялся на крышу. Он приподнял плитку и увидел Цинь Мин Юэ, сидящего на

полу и хватающегося за грудь, с силой похлопывающего по ней с очень бледным лицом.

Цинь Мин Юй происходил из низших слоев общества и был очень чувствителен. Сяо Фэн Ву никогда не думал, что такая случайная шутка вызовет такую реакцию. Он положил плитку обратно и перевернул ее обратно вниз.

Прислонившись к двери, он нерешительно постучал дважды:

“Открой дверь”.

Комната сразу же погрузилась в тишину, в которой не было слышно даже звука дыхания.

Сяо Фэн Ву снова сказал:

“Если ты не откроешь дверь, я просто распахну ее пинком”.

Цинь Мин Юэ посмотрел в сторону двери и прищурился.

“Почему ты здесь, в моем доме? Позже придет гость, так что не загораживай мне дорогу. Такой Гун-цзы, как ты, из семьи Сяо, не должен прикасаться ни к чему из этого никчемного ничтожества, пачкающего твои ноги.”

“Бах...”

Сяо Фэн Ву прямо пинком распахнул дверь, и, увидев это, Цинь Мин Юэ замер, как будто кто-то сдавил его шею, не в силах произнести больше ни звука.

Сяо Фэн Ву вернул дверь на место и, улыбаясь, сказал:

“За что ты злишься? Я просто говорил небрежно. Я знаю, что ты влюблен в меня, готов отдать за меня даже свою жизнь, и что ты не из тех, кто ненавидит бедных и любит богатых”.

Гнев Цинь Мин Юэ взрывался до такой степени, что у него дрожали руки:

“Ложь!”

Сяо Фэн Ву сделал понимающее лицо, а затем переспросил:

“Ой? Тогда ты действительно влюбился в этого “мое сердце улетело” Чэнь Сяо-е?”

Эта пара губ действительно была не из тех, кто отпускает других. Если бы характер Цинь Мин Юэ был еще немного хуже, он бы прямо сейчас вскочил, чтобы забить его до смерти.

Неудержимо дрожа, Цинь Мин Юэ указал на Сяо Фэн Ву:

“Уходи! Уходи как можно дальше!”

Его пара глаз феникса наполнилась слезами, как будто они должны были упасть в любой момент.

Сяо Фэн Ву абсолютно не собирался уходить, и он отвернулся, опустившись на колени перед Цинь Мин Юэ и внимательно осмотрев сломанный палец, который был почти разрезан пополам. Его брови слегка приподнялись:

“Твой характер всегда был таким плохим, неудивительно, почему тебе так легко страдать”.

А потом сказал:

“Когда я когда-нибудь думал о тебе как о человеке низкой ценности? Если бы я это сделал, зачем бы я держал тебя рядом с собой столько лет?”

Цинь Мин Юэ ничего не говорил, но его грудь неровно вздымалась, и он напряг шею, сердито глядя на него.

Сяо Фэн Ву почесал затылок, как будто немного беспомощный:

“Моя мать тоже была актрисой”.

Как будто не ожидая, что он это скажет, Цинь Мин Юэ застыл от удивления.

Сяо Фэн Ву продолжил:

“Хм..... но она..... она никогда не думала о себе как о ком-то, кто принадлежал к низшей касте, о ком-то, у кого не было большой ценности. Она всегда говорила: “как люди, мы должны жить с прямой спиной, никогда не воровать, никогда не отбирать то, что нам не принадлежит, никогда не быть чем-то меньшим, чем люди”.

<http://bllate.org/book/17367/1629043>